

Г.К. Асанова¹, Ж.Н. Калиев²

¹Кандидат исторических наук (PhD), ассоц. профессор, Astana International University, Казахстан, Астана, e-mail: agk569@mail.ru

²Кандидат педагогических наук, Казахстанско-Белорусский центр научно-технического сотрудничества, Казахстан, Астана, e-mail: kaliev_zhabai@mail.ru

«МАЛЫЙ ОКТЯБРЬ» В КАЗАХСТАНЕ: СТОЛКНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С РЕАЛЬНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Аннотация

Настоящее исследование посвящено анализу социально-культурных трансформаций в Казахстане в период «Малого Октября» - второй волны советской модернизации 1920-1930-х годов в контексте исторической антропологии. Особое внимание уделяется взаимодействию и конфликту между традиционной казахской национальной идентичностью и модернизационными практиками, осуществленными советским государством по всем направлениям: 1) форсированной коллективизации, в том числе разрушение традиционного уклада хозяйства и насильственного оседания; 2) репрессий против байства и традиционной знати (байские семьи, духовенство, традиционные лидеры), что ударило по традиционной структуре казахского общества; 3) форсированной индустриализации; 4) коренизации и культурной революции, что означало разрыв культурной преемственности, нарушение передаваемого из поколения в поколение механизма идентичности, а также насаждение «новой» идентичности - интернациональной, пролетарской, советской. Цель исследования: проанализировать воздействие политики «Малого Октября» на национальную идентичность казахов с позиции историко-антропологического подхода и трансформации национальной идентичности в условиях столкновения с реальностью социалистического строительства. Работа опирается на теоретические рамки исторической антропологии, включая концепции власти, тела, травмы и идентичности, что позволяет выявить глубинные механизмы адаптации и сопротивления в условиях радикального социокультурного перелома. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию процессов кризиса и трансформации казахской идентичности в условиях советской модернизации.

Ключевые слова: Казахстан, «Малый Октябрь», национальная идентичность, кризис идентичности, историческая антропология.

Благодарность: Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования ««Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации» ИРН: BR24993057.

Г.К. Асанова¹, Ж.Н. Қалиев²

¹Тарих ғылымдарының кандидаты (PhD), қауымд. профессор, Астана Халықаралық университеті, Қазақстан, Астана, e-mail: agk569@mail.ru

²Педагогика ғылымдарының кандидаты, Қазақстан-Беларусь ғылыми-техникалық ынтымақтастық орталығы, Қазақстан, Астана, e-mail: kaliev_zhabai@mail.ru

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ «КІШІ ҚАЗАН»: ТАРИХИ АНТРОПОЛОГИЯ КОНТЕКСТІНДЕ ҰЛТТЫҚ БІРЕГЕЙЛІКТІҢ ШЫНАЙЫ ӨМІРМЕН ТОҒЫСУЫ

Аңдатпа

Осы зерттеу тарихи антропология контекстінде 1920-1930-шы жылдарда кеңестік жаңғырудың екінші толқыны – «Кіші Қазан» кезеңіндегі Қазақстандағы әлеуметтік-мәдени трансформацияларды талдауға арналған. Кеңес мемлекеті барлық бағыттар бойынша жүзеге асырған дәстүрлі қазақ ұлттық бірегейлігі мен жаңғырту практикалары арасындағы өзара іс-қимыл мен қақтығысқа ерекше назар аударылады: 1) үдемелі ұжымдастыру, оның ішінде дәстүрлі шаруашылық салтын бұзу және күштеп қоныстандыру; 2) қазақ қоғамының дәстүрлі құрылымына әсер еткен байлар мен дәстүрлі билеуші топтарға (бай отбасылары, діни қызметкерлер, дәстүрлі көшбасшылар) қарсы қуғын-сүргін; 3) үдемелі индустрияландыру; 4) мәдени сабақтастықтың үзілуіне, ұрпақтан-ұрпаққа берілетін бірегейлік тетігінің бұзылуына әкелетін тамырландыру және мәдени революция, сондай-ақ, «жаңа» халықаралық, пролетарлық, кеңестік бірегейлікті енгізу. Зерттеудің мақсаты: «Кіші Қазан» саясатының қазақтардың ұлттық бірегейлігіне тарихи-антропологиялық тұрғыдан тигізген әсерін және социалистік құрылыс іс-әрекетімен қақтығыс жағдайында ұлттық бірегейліктің трансформациясын талдау. Жұмыс тарихи антропологияның теориялық шеңберіне, оның ішінде билік, дене, жарақат, ұлттық бірегейлік тұжырымдамаларына сүйенеді, бұл радикалды әлеуметтік-мәдени өзгерістер жағдайында бейімделу мен қарсыласу терең механизмдерін анықтауға мүмкіндік береді. Зерттеу нәтижелері кеңестік жаңғыру жағдайындағы қазақ бірегейлігінің дағдарысы мен трансформациясы үдерістерін тереңірек түсінуге ықпал етеді.

Кілт сөздер: Қазақстан, «Кіші Қазан», ұлттық бірегейлік, бірегейлік дағдарысы, тарихи антропология.

Алғыс: *жұмыс Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қаржылай қолдауымен «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процесстері» ИРН: BR24993057 бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру шеңберінде орындалды.*

G.K. Assanova¹, Zh.N. Kaliyev²

¹*Candidate of Historical Sciences (PhD), Professor, Astana International University, Kazakhstan, Astana, e-mail: agk569@mail.ru*

²*Candidate of Pedagogical Sciences, Kazakstan-Belarus Center for scientific and technical cooperation, Kazakhstan, Astana, e-mail: kaliyev_zhabai@mail.ru*

«SMALL OCTOBER» IN KAZAKHSTAN: THE CONFLICT OF NATIONAL IDENTITY WITH REALITY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL ANTHROPOLOGY

Abstract

This study is devoted to the analysis of socio-cultural transformations in Kazakhstan during the «Small October» period, the second wave of Soviet modernization in the 1920s and 1930s, in the context of historical anthropology. Special attention is paid to the interaction and conflict between the traditional Kazakh national identity and the modernization practices implemented by the Soviet state in all directions: 1) forced collectivization, including the destruction of the traditional way of life and forced settlement; 2) repressions against the Bayan and traditional nobility (Bayan families, clergy, traditional leaders), which affected the traditional structure of Kazakh society; 3) forced industrialization; 4) korenization and the cultural revolution, which meant a break in cultural continuity, a violation of the identity mechanism passed down from

generation to generation, as well as the imposition of a «new» identity - international, proletarian, Soviet. The purpose of the study is to analyze the impact of the «Small October» policy on the national identity of Kazakhs from the perspective of a historical and anthropological approach and the transformation of national identity in the face of a clash with the reality of socialist construction. The work is based on the theoretical framework of historical anthropology, including the concepts of power, body, trauma and identity, which allows us to identify the deep mechanisms of adaptation and resistance in the context of a radical socio-cultural change. The results of the study contribute to a deeper understanding of the processes of crisis and transformation of Kazakh identity in the context of Soviet modernization.

Keywords: Kazakhstan, «Small October», national identity, identity crisis, historical anthropology.

Acknowledgements: *Acknowledgement: The work was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan ИРН: BR24993057 within the framework of program-targeted funding «Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repression in Kazakhstan and the process of their full rehabilitation»*

Введение.

Выступая на четвертом заседании Национального курултая 14 марта 2025 года, Глава государства Касым-Жомарт Токаев отметил особую роль исторической науки как важного фактора укрепления национальной идентичности, а также необходимость «в полной мере раскрыть уникальность и универсальность опыта нашего народа» [1]. Актуальность изучения национальной идентичности особенно важно в условиях глобализации, массового распространения мировых трендов и осознания важности сохранения и приумножения своего уникального культурного наследия.

В условиях нарастания интереса к вопросам идентичности, анализ «Малого Октября» в Казахстане позволяет выявить механизмы трансформации традиционного уклада жизни и столкновения национальной идентичности с реальностью социалистического наступления сквозь призму микроистории и исторической антропологии.

Современные достижения гуманитарных наук обусловили многообразие новых методов исследования и пересмотр сложившихся стереотипов и категорий исторического анализа. Одним из таких методов является историческая антропология, утверждающая необходимость понимания феномена человека во времени, изучения не прошлого, а человека в нем. Интерес к этой методологии вызван целым рядом факторов как академического, так и общественного характера. Полагаем, что изучение и концептуальное переосмысление исторических процессов и событий в контексте исторической антропологии способствует пониманию ментальности, внутреннего мира человека и отдельных социальных групп, восприятия ими окружающего мира в широком контексте социокультурного пространства.

1920-1930-е годы XX века представляют собой один из ключевых этапов социалистической трансформации традиционного общества в рамках советской национальной политики «Малого Октября» в Казахстане. Под этим понятием подразумевалось ускоренное проведение коллективизации, перехода к оседлому образу жизни, ликвидации социального слоя баев и распространения марксистско-ленинской идеологии в республике. Данные процессы сопровождались не только социально-экономическими изменениями, но и существенным воздействием на структуры повседневности, мировоззрения и формирование новой идентичности народа.

Объектом исследования является социокультурная трансформация казахского общества в период «Малого Октября», предметом - изменение национальной идентичности в условиях радикальной модернизации.

Материалы и методы

Данное исследование основано на применении общенаучных и таких специальных научных методов, как: сравнительно-исторический, конкретно-исторический, ретроспективный, описательный, анализ архивных источников (документов партийных съездов, конференций, постановлений, переписки, выступлений, отчетов и т.п.); историографический анализ (исследование взглядов различных авторов на проблему коренизации); контент-анализ (публикаций в прессе, пропагандистских материалах 1920-1930-х годов); качественные методы (использование воспоминаний участников, исследование личных биографий казахской интеллигенции того времени); количественные методы (использование статистических данных, данных отчетов и т.п.), позволившие раскрыть исторический процесс столкновения национальной идентичности с реалиями социалистической модернизации. Также был использован уникальный метод исторической антропологии - непосредственное наблюдение, в том числе сбор информации в процессе наблюдения, непосредственного контакта (интервью, воспоминания и пр.).

Методологической основой исследования является историческая антропология, характеризующаяся как комплексный междисциплинарный подход к изучению истории, основанный на всестороннем диалоге с другими науками (этнологией, этнопсихологией, антропологией, социологией, культурологией, родологией); рассмотрение исторических событий и процессов с позиции их участников (или жертв); изучение исторических процессов и событий на всех уровнях и во всех проявлениях (от поведенческой культуры до культуры политической).

Исследование основано на комплексе источников: архивных материалов Архив Президента РК (АП РК), Базы данных документов (более 12 тысяч архивных документов по истории России XX века) Архива А.Н. Яковлева; документов и материалов фонда рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан, а также электронного фонда рукописей и редких книг, в том числе: документы партийных органов и их руководителей, в национальном вопросе, а также по организации программы «Малый Октябрь в Казахстане»; материалов сборников законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, а также новейшая литература истории сталинизма, курса «Малый Октябрь в Казахстане», политических репрессий, в том числе «Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920-1940-х годов» (Койгелдиев М.К., 2009); «Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930-1933 гг.) Хрестоматия» (Т. Омарбеков, 2011); «Из истории депортаций. Казахстан 1930-1935 гг. Сборник документов» (2012); Сборник документов в трех томах: «Ашаршылык. Голод. Документальная хроника. 1928-1934 гг.», а также «Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века)», изданные в 2022, 2023, 2024 годы.

Обсуждение

Различные аспекты истории реализации политики «Малого Октября» в Казахстане привлекали внимание и всесторонне изучались казахстанскими учеными, которые внесли большой вклад в постановку и актуализацию проблемы, определение методологии исследования, обнаружение уникальных архивных материалов, тем самым пролили свет на причины, механизмы и последствия социальных катаклизмов 20-30-х годов XX века. К ним следует отнести труды Ж.Б. Абылхожина, М.К. Козыбаева, М.Б. Татимова, М.К. Койгельдиева, К.С. Алдажуманова, Т.О. Омарбекова, Х.М. Абжанова, Х.К. Асылбекова, А.Б. Галиева, С.А. Касымова, Б.Г. Аяган, Кабульдинова З.Е., Мукановой Г.К и др. В их трудах затрагиваются проблемы коллективизации, оседания, голода, массовых политических репрессий 20-30-х годов XX века.

Новый полномасштабный этап изучения истории реализации «Малого Октября» в Казахстане и его последствий стал осуществляться в стране, в том числе в регионах, с созданием по инициативе Президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева Государственной комиссии по полной реабилитации жертв массовых и политических репрессий в Республике Казахстан в 2020 году. В ходе всестороннего изучения истории социалистического строительства, введены в научный оборот новые источники, собраны

воспоминания пострадавших и потомков репрессий, позволяющие концептуально переосмыслить некоторые исторические события и процессы, которые в свое время не получили объективного отражения в истории и официальных документах.

Исключая эмоциональный оттенок, с учетом достижений новейшей историографии, в контексте исторической антропологии, следует отметить, что курс «Малый Октябрь» имел массовый, насильственный характер, а его трагические последствия были результатом политики тоталитарного режима. *Как существовал человек в данном социокультурном пространстве и историческом времени эпохальных событий, как он адаптировался и трансформировался?* На этот вопрос пытается ответить антропологически ориентированная история. И если раньше изучение истории войн или революций, происходило на макроуровне - на уровне государств, классов, движений, то историческая антропология проявляет интерес к микроуровню - проблемам отдельно взятого человека, его психологии, менталитету, быту, то есть ориентируется на *изучение человека в истории*, социальных настроений, практик поведения больших и малых социальных групп в эпоху перемен и исторических катаклизмов. Особенностью исторической антропологии является ее ориентированность и стремление взглянуть на происходящие процессы с позиций их участников, тем более, когда за историческими событиями стоят большие потери человеческих, интеллектуальных ресурсов, сломанные судьбы миллионов людей, последствия которых отразились на ментальности и судьбах их потомков.

Большое теоретическое и методологическое значение для концептуального переосмысления социально-культурных трансформаций в Казахстане в период «Малого Октября» в контексте исторической антропологии сыграли труды таких известных зарубежных исследователей, как Т.Х. Эриксен, Э.Б. Тайлор, Э. Эрикссон, Б. Андерсон, И. Кон, К. Гинзбург, А.Я. Гуревич, М.М. Кром, П. Осколков и мн. др.

Что касается состояния исторической антропологии в Казахстане, следует отметить, что она находится в стадии становления. Антропологически ориентированные исследования, проводившиеся в рамках исторической науки, этнографии, этнологии, фольклористики, краеведения и других наук условно можно разделить на три группы: 1) культурологические, антропологические исследования о культуре и нравах этносов и народов, населявших территорию древней казахской степи и современного Казахстана (А.И. Левшин, В. Радлов, В. Бартольд, Н.А. Аристов, А. Диваев, В. Вельяминов-Зернов, И. Аничков, Г. Потанин и др.); 2) труды представителей казахской интеллигенции XIX - начала XX века: А. Байтурсынова, Ч. Валиханова, А. Букейханова, М. Тынышбаева, С.Асфендиарова; 3) Современные ученые-исследователи: С.Акишев, А. Маргулан, О. Исмагулов, М. Магауин, Х. Аргынбаев, М. Муканов, Н. Масанов, Ж. Артыкбаев и мн. др.

Для раскрытия идентичности казахов научную ценность представляют исследования А. Букейханова. Это объясняется тем, что, он являлся очевидцем и непосредственным участником эпохальных событий начала XX века, системно участвовал в работе различных государственных и научных, в том числе антропологических экспедиций в Казахстане, переписи населения Российской империи 1897 года в Казахском степном крае, а также по праву считался лучшим экспертом по Казахстану до и после революции 1917 года. В 1921 году на I Казахстанской партийной конференции РКП (б) советский партийный и государственный деятель, председатель СНК Киргизской (Казахской) АССР (1920-1921) В.А. Радус-Зенькович отмечая А.Букейханова как «лучшего знатока края», писал: «он так быстро ориентируется в местной обстановке, что оказывает большую помощь. Он настоящий энциклопедист по части киргизского (казахского) быта, истории края вообще. Никакие книги не могут его заменить. Побольше бы нам таких работников, конечно, при условии непосредственного нашего присмотра и руководства» [2]. В рамках данного исследования труды А. Букейханова представляют научную ценность еще и потому, что он был одним из первых казахских политических деятелей, чьи труды положили начало концепции модернизации общества на основе национальной идентичности.

Обсуждение

Понятие идентичности. Для понимания и осмысления «целого», необходимо знать то самое «особенное», понять те самые существенные культурные различия [3, с.16]. Несмотря на единство и тесное переплетение мира, стран, социокультурных пространств, человечество не едино, разнообразно и ее составляющими являются классы, народы, нации, культуры и другие формы групповой принадлежности. *Локальная уникальность и культурная идентичность* играют ключевую роль в понимании и осмыслении как настоящего, так и прошлых исторических периодов и процессов. С этой позиции, именно антропология, является наукой, которая «пытается достичь понимания культуры, общества и человечества в целом посредством детального исследования локальной жизни, дополненного сравнительным анализом» [Там же, с.20], поскольку дает возможность исследовать, сравнивать и понимать разнообразные проявления человеческой природы. Преимуществом исторической антропологии является осмысление исторических процессов и событий через жизненные миры обычных людей, их отношения друг с другом и окружающим миром. И уже на основе такого исследования социальной реальности можно переходить к изучению связей, взаимоотношений между локально проживающим миром (отдельным народом, нацией, обществом) и явлениями большего масштаба (государство или власть). Исторический опыт знает немало примеров, когда незнание и игнорирование локальной уникальности, этнической, культурной и национальной идентичности порождал «конфликт» в виде социальных катаклизмов, трагедий и других различных испытаний.

Понятие идентичности обозначает «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем многообразии личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «я» независимо от изменения «я» и ситуации» [4, с. 12]. Возникший в психологии термин «идентичность» уже в 60-70-е годы XX века перекочевал и в социальные науки, породив целый ряд интересных исследований, выполненных на стыке исторической психологии, психосоциологии и собственно истории.

Здесь важно понять, насколько важна проблема идентичности, в каких случаях происходит столкновение и почему она переживает кризис? Человек как биологический вид выжил, будучи подразделен на группы – *псевдодвиды*. Сначала такими псевовидами были отдельные стаи или племена, классы, нации и т.п. Иллюзия избранности укрепляется наличием у каждого племени собственной теории, мифологии, а позднее – и истории: этим обеспечивалась верность определенной экологии и морали [Там же, с.51]. Люди, относящиеся к одной этнической группе, являющиеся современниками одной исторической эпохи и взаимодействующие в сфере экономики, имеют и общие представления о добре и зле. Эти представления отражают ментальность данной группы людей и их ценности в условиях данной исторической эпохи [Там же, с.53]. Каждая групповая идентичность вырабатывает собственное понятие свободы, именно поэтому одному народу часто бывает трудно понять, что же вкладывает в это понятие другой. Но в тех случаях, когда широкомасштабные исторические и технологические перемены посягают на глубоко укоренившиеся модели идентичности, ...люди ощущают себя в опасности [Там же, с.98-99], исторические перемены, в особенности принудительные, воспринимаются как угроза традиционной целостности и идентичности. Неизбежное следствие этого – кризис идентичности - *столкновение идентичности с реальностью*, которая не укладывалась в рамки традиционного исторического сознания, что ставило под угрозу сложившиеся основания и принципы идентичности. В основе кризиса идентичности лежит событие, противоречащее традиционной исторической идентичности. С этой точки зрения, политика «Малого Октября» в Казахстане и последующее социалистическое наступление по всем направлениям стали тем самым событием, которое легло в основу кризиса казахской национальной идентичности в 20-30-е годы XX века. Поэтому, изучение *идентичности казахов начала XX века* имеет как теоретическое, так и прикладное значение для понимания социально-культурных трансформаций в Казахстане в период «Малого Октября».

Идентичность казахов к началу XX века

На наш взгляд, наиболее полная характеристика идентичности казахов начала XX века, дана в работе А. Букейханова «Киргизы», в котором он подчеркивал древность и уникальность казахской истории, включая связь с тюркскими корнями: «начиная с XIII века, со времени Чингисхана, киргизы и каракиргизы живут в Средней Азии...». Под общим именем «киргиз» или «киргиз-кайсаков в литературе объединены тюркские родственные «ру» (род, племя), известные в истории Востока под именами Усынъ, Дулат, Канглы, Джалаир, Кыпчак, Найман, Конграт, Уак, Керей, Аргын и Алчин. Сами они обозначают себя именем «казах»: слово «кайсак» и есть искаженное «казах» [5, с. 37].

По мнению А. Букейханова, важнейшей составляющей идентичности было отношение казахов к земле: «киргизы считают всю степь своею; в ней нет ни пяди земли, на которой не пасся бы, в то или иное время года, киргизский скот; разумеется, за исключением негодных для пастбища мест, коими изобилует киргизская степь [5, с. 588]. И поэтому, согласно исторически сложившейся традиции, казахи чувствовали себя полноправными хозяевами степи: хотя «писанный закон считает эти уголья, как и всю киргизскую землю, казенными, предоставленными лишь в пользование кочевников, это, однако, нисколько не мешает киргизам арендовать, дарить, завещать, продавать друг другу земли и распоряжаться своею долей на правах частной собственности» [5, с. 582]. Однако, реакция на массовое изъятие исконно казахских земель в пользование переселенческого населения была негативной и сопровождалось как пассивным сопротивлением, так и активными формами протеста (восстания конца XIX – начала XX века в Уральской области, Тургае, Жетысу, Акмолинской области). Потерю земель и разрушение традиционного уклада жизни казахи восприняли как реальную угрозу их существованию как этноса.

По мнению А. Букейханова, хозяйственная жизнь казахов представляла не примитивную экономику полудикого кочевника, в местностях, где имеются благоприятные условия, кочевое хозяйство постепенно уступало место смешанному земледельческо-пастушескому типу, но главным промыслом казахов являлось скотоводство, и основное богатство их составлял скот (почти три $\frac{3}{4}$ (73,76%) дохода от скотоводства) [5, с. 579, 580]. Поэтому, сокращение и гибель скота для казаха было равноценно катастрофе, а кочевой образ жизни составлял основу казахской идентичности.

Основу этнической идентичности и целостности составляла кровная связь между тюркскими племенами, вошедшими в состав так называемой большой, средней и малой орды, сложившейся с давних пор. На вопрос «кто ты?» каждый киргиз ответит: «үш жүздың баласымыз», т. е. «мы дети трех орд», если вопрос исходит от киргиза же, то вопрошаемый назовет одну из орд или какой либо род из их среды [5, с. 591]. Причем, каждый казах через семиколенное родство идентифицировал себя с родом, являвшимся частью этноса посредством традиции единого генеалогического древа Шежіре. Информация, знания, собственность, власть и ресурсы передавались по генеалогическим каналам родства, в зависимости от происхождения человек включался в определенную родоплеменную группу. В обществе сложилось впечатление о родовой разобщенности казахов, с чем мы не согласны: на наш взгляд, напротив, родовая иерархия четко регулировала общественные отношения, поскольку каждый казах идентифицировал себя со своим родом (родовая, территориальная принадлежность), через который осознавал общность происхождения.

Также, А. Букейханов подчеркивал, что казахи - народ с богатым культурным наследием, важнейшими составляющими которого являются язык, письменность, культурные традиции, общая история и коллективная историческая память, имеющая глубокие корни. У казахов было много национальных традиций и обычаев, связанных с хозяйственной деятельностью, семейными отношениями, праздниками, вопросами воспитания, национальными узорами, верой, религией, которые сохранились до наших дней. Несмотря на пережитые в XX веке потрясения, казахский народ сохранил всю свою богатую культуру, традиции, обычаи, многовековую историю и передавал их из поколения в поколение. До сих пор сохранились такие традиции, как уважение к родителям, к пожилым людям, обычаи и традиции, проводимые от рождения человека до становления

личности, связаны с народной медициной, народной мудростью (например, кыркынан шығару, бесікке салу, сүндет той и т.д.), воспитанием детей, связанные с взаимопомощью (асар), национальные игры (асық, казакша курес, кокпар, тоғызқұмалақ), национальное жилище - «кара шанырақ» - «святой очаг» (так казахи называли юрту), национальная одежда, национальные блюда, устные традиции (айтыс - искусство поэтического состязания, на котором поднимались важные проблемы общественной жизни), охотничьи традиции, национальные и религиозные праздники (Наурыз, Курбан айт) и многое-многое другое. Всё это дошло до наших дней из глубины веков. Следует отметить, что именно такие известные писатели, этнографы советской эпохи, как Мухтар Ауэзов, Алькей Маргулан, Мухтар Магауин, Сеит Кенжеахметұлы в течение многих лет проводили исследования и собрали богатейший материал, касающийся культуры и быта казахского народа. Исторические повествования имеют ключевое значение для единства национального сознания, так как осознание общего исторического прошлого влияет на чувство преемственности поколений и идентичности в настоящем.

Таким образом, богатое культурное наследие из глубины веков сформировало тот самый «мир», ментальность кочевника, который определял уклад, веру, язык, традиции, систему ценностей, а также его ключевые чувства, реакции и действия. Поэтому, представители казахской интеллигенции считали необходимым сохранить свою национальную идентичность, одновременно стремясь к европейской цивилизации, модернизации, не отказываясь от своих корней и традиций.

Результаты исследования

Историко-политический контекст «Малого Октября» в Казахстане

Тема «Малого Октября» в Казахстане и его влияние на национальную идентичность - важная и в то же время довольно сложная часть казахской истории. «Малый Октябрь» - это условное название событий, связанных с социальными, аграрными и административными преобразованиями в Казахстане в 1920-1930-х годах, направленный на подавление местных национальных элит и усиление административного и экономического контроля над жизнью республики. Возглавивший тогда Казахстан первый секретарь Казкрайкома ВКП(б) Ф. Голощекин заявил, что в Казахстане «не было полноценной социалистической революции» и поэтому необходимо провести уже внутри советской власти «советизацию аула».

В своем докладе «Десять лет пройденных и предстоящие задачи» на собрании горпартактива Алма-Атинской организации 1 октября 1930 года Ф. Голощекин охарактеризовал «Малый Октябрь» как социалистическое наступление в Казахстане по всем направлениям:

«1. Наступление на горные богатства Казакстана и создания ведущей крупной промышленности по цветной металлургии, по углю, железу, химии и более широкого развития легкой промышленности по переработке с.-х. продукции;

2. Наступление на неиспользованные целинные пространства пахотнеспособных земель под зерновые и технические культуры (создается мощный социалистический сектор крупного государственного хозяйства в сельском хозяйстве - Г.А.);

3. Наступление на отсталое, малопродуктивное животноводство, на архаическое кочевое хозяйство, на колоссальные, годные только для животноводства территории, но малопродуктивные (строительство животноводческих совхозов);

4. Наступление на безграмотность, на бескультурье. Осуществление широкого расцвета культуры – национальной по форме, социалистической по содержанию;

5. Социалистическое наступление - наступление на ...национализм.

6. Социалистическое наступление в Казакстане – это решительное наступление на полуфеодалные родовые отношения в ауле...». [6, с.44-49].

Коренной особенностью социалистического наступления в Казахстане было осуществление модернизации в условиях перехода от полуфеодалных отношений к социалистическим, минуя капиталистические, то есть в отсутствии объективных условий для такого «скачка», и, следовательно, необходимость эволюционного пути модернизации. Как видно из доклада Ф. Голощекина «Десять лет пройденных и предстоящие задачи» на

собрании горпартактива Алма-Атинской организации 1 октября 1930 года, социалистическое наступление в Казахстане осуществлялось решительно, без учета, некоторых особенностей, соответствующих своеобразию и особенностям региона.

«Малый Октябрь»: столкновение этнической идентичности с реальностью. Трансформация казахской идентичности.

Одним из ключевых инструментов реализации политики «Малого Октября» стала форсированная коллективизация, которая была направлена не только на трансформацию аграрной экономики, но и кардинальный, насильственный слом основ традиционного уклада жизни и хозяйства казахского народа. В условиях Казахстана насильственное оседание и форсированная коллективизация, в том числе, изъятие скота у населения, перевод на оседлость кочевников, неадекватные задания по мясозаготовкам оставили миллионы людей без средств к существованию. «Чудовищные размеры приняло расхождение между планом коллективизации и его материально-техническим обеспечением, не говоря уже о менталитете этноса, его готовности к оседлому образу жизни, коллективному ведению хозяйства. По свидетельству А. Джангильдина, коммуниста с дореволюционным стажем, в декабре 1929 года принималось постановление крайкома партии о переводе на оседлость 6 тыс. хозяйств Сарысуевского района, в то же время на это мероприятие было отпущено всего 8 тыс. рублей. В Семиозерном районе решили во что бы то ни стало в течение одного года произвести оседание всех казахских хозяйств. В связи с этим обобществили весь скот, осуществили силовое переселение хозяйств с одного места на другое, на так называемые «точки оседания». Жилые дома и приусадебные пристройки возводились наспех из дерна. В итоге, вместо того, чтобы на основе коллективизации улучшить жизнь человека, получились совершенно обратные результаты: резкое сокращение поголовья, разорение, откочевки казахов» [7].

Как видно из документов, «Малый Октябрь» и социалистическое наступление осуществлялись параллельно с конфискацией имущества зажиточных крестьян, выселением крупных скотоводов (баев, кулаков и середняков) - обычных сельских тружеников, движущей силы преобразований в ауле), а также борьбой с «антисоветскими элементами»: алаш-ордынцами, националистическими уклонами в партийных организациях, новыми кадрами националистов [8, с.190-195]. Полным ходом проводилась чистка рядов коммунистической партии, борьба со всевозможными извращениями в государственном аппарате, с болезненными явлениями внутри партии [9, с.248]. Этими действиями власти планомерно уничтожали наиболее сознательную и активную часть граждан, с помощью которых могли избежать многих ошибок, извращений и перегибов в советизации аула.

Одним из подтверждений этому является уникальная история Алти Барлыбаева - крупнейшего бая, знатного хозяйственника и предпринимателя Северного Казахстана, которого по праву считали «степным миллионером», с повествования о котором начинается автобиографический романа-трилогия «Школа жизни» известного советского казахского писателя Сабита Муканова. В данном произведении, автор не смог скрыть своего восхищения владениями Алти: «Зимовье Альти ...не походило ни на один казахский аул, виденный мной прежде. Зимовье вытянулось по примеру русских сел прямыми улицами, застроенными рядами высоких бревенчатых домов под железными крышами. Между домами находились деревянные сараи, склады, кухоньки. ...Когда мы приблизились к зимовке, она гудела, как огромный улей. Каждому находилась работа... Надеялся бы он только на приказчиков и работников, был бы одним из тех баев, каких много в степи. Он и сам не чурается черной работы и другим покоя не дает. Здесь все работают. Сами хозяева встают раньше и ложатся позже своих батраков» [10, с.9-10]. И это только одна история, одна семья, а сколько было таких простых тружеников, чей опыт и энергию можно было направить на благо казахского аула. К сожалению, судьбу Алти Барлыбаева и его семьи постигла та же страшная, трагическая и жестокая участь, что и миллионы советских людей [11].

Вот в таких условиях, и произошло *столкновение казахской идентичности с реальностью* социалистического наступления. Политика «Малого Октября», реализованная в 1926-1933 годы под руководством Ф. Голощёкина, привела к разрушению традиционных форм социального и культурного существования, и заложила основу для сложных процессов адаптации, сопротивления и травматической трансформации идентичности. «Малый Октябрь» в Казахстане был не только экономическим или политическим мероприятием, а глубокой культурной революцией, проводимой насильственными методами: насильственная трансформация пространства и памяти: уничтожение духовной основы: языка, веры, традиционной культуры, которые были объявлены пережитком феодализма, кочевого уклада, насильственное оседание, коллективизация и голод, конфискация (потеря главного богатства - скота), потеря родовой земли, нищета, бегство, беспомощность, беспризорность, эпидемии, потеря и смерть близких - повергло казахов в социальный и культурный шок, затруднявший восприятие новой модели жизни.

В поисках выхода из кризиса идентичности, общество переживает фундаментальные трансформации в условиях новых исторических перемен, и поиска себя в новой реальности, которые были ярко выражены в реалистической поэме С. Торайгырова «*Заблудившаяся жизнь*». Данное произведение посвящено волнующим проблемам и переживаниям народа на стыке двух веков. Основная идея поэмы - поиск места человека в круговороте истории: кто он, человек, - веточка на волне жизни или деятельная сила, способная влиять на ход общественного развития? Поставленный в поэме вопрос: Что же будет? отражал психологическое состояние и социальные настроения масс.

Противостояние, репрессии и уничтожение интеллектуальной элиты

Именно в этот сложный, противоречивый период избранные лидеры интеллектуальной элиты общества, взявшие в начале XX века задачу выработки казахской национальной идеи и консолидации, твердо и бдительно встали на страже национальных интересов, сохранения этнической и государственной идентичности (А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Тынышпаев, А. Ермеков, а также национал-коммунисты С. Ходжанов, С. Садвокасов, Н. Нурмаков, Ж. Мынбаев, Т. Рыскулов, С. Сейфуллин, С. Асфендияров и многие другие). Это были те самые носители национальной идентичности, сформировавшие мировоззрение своей эпохи, выдающиеся лидеры своего народа, способные из глубочайших личностных конфликтов извлечь энергию, удовлетворяющую потребности эпохи перемен.

В этой связи, обратимся к понятиям «нация» и «национализм» в условиях применительно к теме исследования. Историческая антропология в отличие от других теорий, акцентирует внимание не на политической, а на интеллектуальной составляющей в формировании наций и национализма, рассматривает нацию как этническую общность, обладающая культурно-исторической целостностью. При данном подходе, наиболее приемлемым к сложившимся историческим условиям начала XX века, считаем определение национализма как ответ на модернизацию, в ходе которой были разрушены традиционные структуры (Б. Андерсона, Э. Гелнера, Э. Смита и др.).

Новейшие концепции антропологии рассматривают нацию как «воображаемое сообщество» – как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное». Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» (Б.Андерсон), «все индивиды, ее составляющие, имеют между собой много общего» (Геллнер). Нация воображается ограниченной, потому что даже самая крупная из них, имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации. «И наконец, она воображается как сообщество, поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество» [12, с.30-32]. Нация в трактовке Б. Андерсона выступает как новый, характерный для современного общества способ связывать воедино в целостном

восприятия пространство, время и человеческую солидарность. Особенность этого соединения и заключается в том, что оно не осуществимо без воображения, опосредующего и обосновывающего коллективную связь, без унифицирующего воображения, создающего культурно целостные воображаемые сообщества, которые к тому же имеют ценностный характер [Там же, с. 10].

При данном подходе, очевидно, следует признать, что носителями идеи нации являются определенные социальные слои, «воображающие» нацию». В условиях Казахстана начала XX века, носителями идеи нации стала интеллигенция, а также новый класс управляющих, идентифицировавшие себя с нацией. Идеология национализма, сформировавшаяся в конце XIX - начале XX веков, в период колониальной политики царской России и реакции на нее со стороны казахской интеллигенции, ярко проявила себя в процессе установления советской власти и реализации политики «Малого Октября» в 20-30-е годы XX века. Главную роль в подъеме национализма сыграла интеллигенция, первое поколение людей, многие представители которого получили европейское образование, отличающее их в языковом и культурном отношении. *Авангардная роль интеллигенции* вытекала из ее двуязычной грамотности, или, скорее, грамотности и двуязычия [Там же, с.137].

С учетом вышеизложенного, в данном исследовании понятия «нация», «национализм» и «национальный» понимаются в этническом и культурном контексте. Национализм в данном случае, с учетом различных типологий национализма [13, с.108–116, 109], мы понимаем как идеологию, отстаивающую идентичность - *культурный национализм*. Самое популярное определение понятия «культура» дал английский антрополог Эдвард Тэйлор в книге «Первобытная культура» (1871 г.): «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком, как членом общества» [14, с.18]. Подобное определение культуры полагает, что она пронизывает все виды человеческой деятельности. Следовательно, культурные ценности общества определяют, какие блага в данном обществе считаются желаемыми с экономической точки зрения, а культурные условия упорядочивают поведение политических элит [3, с.46].

В отличие от политических националистов, культурные считают нацию общностью людей, объединенных природой и историей. Воссоздавая разные аспекты жизни нации – традиционные и современные, сельские и городские, этнические и религиозные, культурный национализм акцентировал внимание на *учете культурной индивидуальности и жизненных принципов этноса* в условиях модернизации. Цель культурного национализма – интеграция, преодоление конфликта между моральным и социальным, представленными, соответственно, традицией и модернизацией. Таким образом, нация в данном случае, формировалась с опорой на историческую память и культурную идентичность, которая рассматривалась как средство адаптации и эволюционного перехода к новым условиям.

Для реализации национальной политики и осуществления «Малого Октября», партийное руководство в лице Ф.И. Голощекина намеревалось использовать национальную интеллигенцию, приблизить ее к себе для овладения аульной массой и на этой основе построить советы. Однако, вскоре выявились идейные разногласия, по поводу чего Ф.И. Голощекин писал: «...Алаш-ордынцы замаскировались, пролезли в советские органы и партию и там творили свое гнусное дело. ...Партия Алаш ставила себе задачу коллективного вступления в партию для того, чтобы, прикрываясь партийным билетом, отстаивать свое алаш-ордынское дело, только для этого они вошли в советы, чтобы использовать легальные формы, разложить советский аппарат и использовать его для своих байских целей» [6, с.13].

Представители казахской интеллигенции, в частности, ряд советских управленцев, С. Ходжанов, С. Садуакасов, Ж. Мынбаев, занимавшие руководящие посты в руководстве республики, выступили с критикой непродуманной политики руководства и методов их реализации, считая возможным перевести аул на рельсы социалистического строительства, не нарушая существующих дореволюционных социально-экономических отношений в

ауле» . В ответ на что, уже в 1927 году в Резолюции по докладу Ф.И. Голощекина о внутривнутрипартийном положении в Казакской организации, принятой объединенным пленумом Крайкома и Краевой Контрольной комиссии ВКП(б), С. Ходжанов, С. Садуакасов и Ж. Мынбаев обвинялись в группировочной борьбе и идейном уклоне. «...Этот уклон обнаруживается в том: а) что товарищи Мунбаев и Садвокасов не однажды выражали свое несогласие с направлением 2-го Пленума в вопросе о революционных методах изменения социально-экономических отношений аула, считая возможным построить действительно советы трудящихся и перевести аул на рельсы социалистического строительства, не нарушая существующих дореволюционных социально-экономических отношений в ауле» [15, с.1]. По мнению известного ученого-алашеведа М. Койгельдиева: «...предъявленные им обвинения в сочувствии имущим слоям аула, уклонов в области коренизации партийного советского аппарата, склонности к групповой борьбе, не имели серьезной основы. Объективные позиции каждого в отдельности и всех троих в совокупности выражали идейные искания казахской политической элиты, и никакого блока между ними не было» [16, с.331]. Сами лидеры национальной интеллигенции отрицали наличие в партии уклонов [17, с.12], считая свои выступления не противостоянием, а обозначением своего мнения по принципиальным вопросам обустройства республики. Эта «живая дискуссия» о путях построения гармоничного общества и государства, выражала приоритеты в стратегии развития региона через призму национальной идентичности. Однако, тоталитарная система «сознательно списывала любые действия его лидеров к антисоветской деятельности. Подозрительное, недоверчивое отношение наблюдалось в целом к национальным кадрам», о чём свидетельствует следующий документ от 10 сентября 1926 года: «Заявление члена партии, сотрудника ГПУ Фомы Иванова в Казкрайком ВКП (б) Ф. Голощёкину и С. Садвокасову. В данном документе автор докладывает об антипартийной политике «группы европейских работников в лице Шишко, Берестина, Озола, Альшанского и других», которая направлена заведомо в сторону преследования и гонения казахских работников путём использования против них всех сил и возможностей, которыми располагают они», в том числе: «собрание ложных материалов на казахских ответработников» [16, с.315-316]. Надо отдать должное честности автора этого документа, который направил данную секретную информацию «исключительно Секретарю Казкрайкома Голощёкину и т. Садвакасову как члену Бюро Казкрайкома, чтобы об упомянутом секретном сообщении «знали европейский руководитель и казахский...» [Там же, с.317]. При таком подходе, в 1926-1928 годах с занимаемых должностей были освобождены С. Ходжанов, С. Садвокасов, Ж. Мынбаев, Ы. Мустамбаев, С. Жагыпаров и другие талантливые руководители республики [Там же, с.338].

Между тем, результат игнорирования мнения лидеров казахской интеллигенции о дифференцированном подходе и эволюционном пути трансформации аула, привел к необратимым последствиям. Уже 5 марта 1930 года секретарь Казкрайкома ВКП (б) Ф.И. Голощекин в закрытом письме *И. В. Сталину о политико-экономическом состоянии Казахстана*, докладывал о трудностях, перегибах, искривлениях и крупных недочетах в области сплошной коллективизации, а также сопротивлении кулаков, в том числе: хищническое истребление скота и имущества, широкая агитация, выпуск листовок, оставление своих районов и рассеивание по другим округам и районам, террористические акты и, трех массовых вооруженных выступлений; 1) в Сузакском р-не Сыр-Дарьинского окр.; 2) Иргизском Актюбинского окр., захватившее и смежные районы Кустанайского..., и что к ним присоединилось несколько русских поселков Оренбургского окр...; 3) в некоторых районах (Усть-Каменогорском и Зырянском) Семипалатинского окр. [19, с.142-143]. Следом, не заставил ждать себя Протокол бюро Казкрайкома ВКП (б) «Об ошибках в проведении коллективизации» (15.04.1930 г.), в котором Крайком признает извращения и искривления в деле сплошной коллективизации, в том числе дифференцированного подхода к аулу, имевшие широкое распространение в Казахстане.

Из-за ошибок в проведении коллективизации, отрицать факт полномасштабного голода было уже невозможно.

В этих условиях, в июле 1932 года против коллективизации выступила группа казахских писателей во главе с Габитом Мусреповым, которые написали так называемое «письмо пяти» [20, с.141-151]. Также, о катастрофическом положении казахского аула с письмом к И.В. Сталину в августе 1932 года обратился учредитель Совнаркома Казахской АССР У. Исаев. В данном письме, автор отметил, что «главной причиной, приведшей к нынешнему состоянию, надо признать извращения в Казахстане политики партии, в том числе насильственная коллективизация, принудительное обобществление всего скота и применение прямого произвола в практике скотозаготовок» [21, с.154].

Следующим «тревожным» стало «Письмо Сталину» в сентябре 1932 года заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР Т.Р. Рыскулова, в котором автор обращал внимание на действительные размеры огромной убыли скота (в сопоставлении с СССР) в одной из его основных баз, в Казахстане (где в скотоводство упиралась большая часть благосостояния 3,5 млн казахского населения); последствиях убыли и действительного состояния оседания кочевников», а также необходимость принятия срочных мер [22, с.169].

В таких условиях, начинаются массовые репрессии с целью окончательного уничтожения антисоветских элементов. Так, 2 июля 1937 года было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/94 «Об антисоветских элементах». Данное решение инициировало Большой террор - самые массовые преступления 1937-1938 годов в череде сталинских репрессий. Во исполнение этого решения был издан Приказ НКВД №00447 от 30 июля 1937 года «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В отличие от проводившихся ранее кампаний арестов или ссылок, всегда нацеленных на строго определенные категории населения, репрессии 1937-1938 годов захватили все без исключения слои советского общества, структуры и учреждения государственного и партийного аппарата [23].

В результате перманентно проводимых политических репрессий, национальное движение было полностью подавлено: «Почти полностью была уничтожена наиболее активная часть национальной политической элиты и творческой интеллигенции» [16, с.13]. Потеря направляющих лидеров для народа способствовала ослаблению национальной идентичности, дезориентации, развитию пессимизма, культурному отчуждению, а также утрате основных составляющих идентичности - истории, веры, родного языка и культурных традиций. В этих условиях, стратегией выживания стало налаживание отношений с властью и адаптация к советской идеологии.

Коллективная память и травма

Обращая внимание на «укорененность каждого в своей «культуре», в своих «корнях» - сознательно или, скорее, бессознательно, известный европейский психотерапевт Анн Шутценбергер отмечает: «В странах Востока и Центральной Европы, как в России, так и вокруг Средиземного моря, семья представляет собой очень сильный «социальный атом», исходя из которой индивиды выстраивают себя, находят свою идентичность» [24, с.72]. В своей книге «Синдром предков» она описала такое явление, как травматизм «ветра пушечных ядер», когда у потомков людей, переживших первую и вторую мировые войны, геноцид, узников концлагерей наблюдалось необъяснимое проявление ужасной тревоги смерти, кошмаров, страхов... [24, с.43]. Автор описывала то, что было в Европе. Между тем, аналогичные явления травматизма имели и имеют место на постсоветском пространстве, в том числе в Казахстане - это отдаленные последствия «Малого Октября»: раскулачивания, репрессий, голода, и последующих социальных катаклизмов первой половины XX века.

По мнению российских ученых В.В. Докучаева и Л.Н. Докучаевой - основателей новой междисциплинарной области знаний - родологии (1995 год), такие социальные катаклизмы XX века имеют социально-психологические последствия на протяжении 3-4 поколений. Причем отдаленные социально-психологические последствия испытывают не только те,

кто пережил социальные катаклизмы, но и их потомки. В ходе работ, проводимых Академией Родологии в России, выяснилось, что среди обращающихся за психологической помощью потомки репрессированных и погибших в войнах составили более 90%. Главной характерной особенностью потомков является внутреннее психологическое напряжение, чаще всего - неосознаваемое, которое обусловлено синдромом постстрессового расстройства СПР, унаследованного от предков, переживших социальные катаклизмы [25, с.74]. Аналогичная ситуация и у других народов в постсоветском пространстве, в том числе и в Казахстане.

«За 20 лет консультаций я наслушалась множество страшных, трагических, жестоких, печальных историй о том, как предки казахстанцев пережили или не пережили те ужасные времена. Я не понаслышке, не только по историческим, архивным документам или фильмам, а из уст современников и скорбной памяти многих семей и родов знаю о голодоморе. Знаю и вижу, как до сих пор это влияет на потомков. И будет еще влиять...» - рассуждает тектанушы, родолог Алия Сагимбаева, основательница этого нового направления в Казахстане [26].

В 2020 году в преддверии подготовки к IX Всемирному конгрессу по психотерапии (Москва) с темой: «Пандемия как цивилизационный вызов и актуализация отдаленных социально-психологических последствий голода, репрессий, войн, депортаций, раскулачивания в жизни потомков в наши дни», исследовательская группа Алии Сагимбаевой провела опрос, в том числе был вопрос и по теме голода, по итогам которого: страх голода, нехватки продуктов во время пандемии проявился у 43 % опрошенных, причем 89 % из них предки пережили голод, голодомор [26].

Таким образом, долгосрочное и устойчивое подавление казахской идентичности в пользу «советского человека» оставили глубокую психологическую травму в коллективной памяти народа. Психологические травмы, оставленные в результате «Малого Октября» и репрессий 1920-1930-х годов, многослойны и передаются из поколения в поколение. К ключевым травмам следует отнести:

1. Травма утраты и страха смерти: массовая гибель людей от голода и насилия породила коллективный страх голодной смерти. У потомков сохранились тревожные установки, связанные с нехваткой еды, стремление к накопительству, страх бедности.

2. Травма утраты идентичности: отказ от традиционного уклада жизни и традиционной культуры, утрата языка, веры разрушили привычную картину мира, вызвали чувство отчужденности, неприятия себя, конфликт между советским и традиционным.

3. Травма молчания (подавленной памяти): репрессии обусловили «закрытость», замалчивание темы прошлого, чувство вины, тревоги, недоверия к власти и окружающим.

4. Травма потери направляющих лидеров и обесценивания интеллекта: уничтожение казахской интеллигенции привело к снижению самооценки, недоверия к образованию, страха проявлять инициативу.

5. Травма коллективной беспомощности: люди испытывали неуверенность, незащищенность, полную зависимость, что породило беспомощность, покорность, пассивное принятие несправедливости.

6. Межпоколенческая травма: психологические травмы передаются не только как воспоминания, но и как модели поведения, установки, убеждения, или «трансгенерационная передача» серьезных травм.

Заключение

Подводя итоги настоящего исследования, следует отметить, что:

- в контексте исторической антропологии, Малый Октябрь - это столкновение традиционной этнокультурной идентичности (кочевая, родо-племенная, мусульманская) с советской модернистской идентичностью (пролетарской, атеистической, оседлой). В контексте исторической антропологии, мы наблюдаем, как идентичность трансформировалась в условиях политических изменений: переход к оседлости: изменения

в повседневной жизни, хозяйстве, быту; изменения традиционного родового строя; ритуалов, форм социального взаимодействия (коллективизация) и т.п.;

- в культурологическом контексте, Малый Октябрь - это утрата культурного кода: языка, верований, культурных традиций, родовых структур; создание новой культуры (интернациональной, советской); травматическую разорванность поколений, утрату памяти и традиций, что формировало культурную травму;

- в контексте психологии, Малый Октябрь на индивидуальном и коллективном уровнях позволяет увидеть как изменение среды влияет на психику человека: идентичность оказалась в состоянии фрустрации: человек между традицией и новой реальностью (возникает в ситуации, которая воспринимается субъектом как угроза удовлетворению той или иной его потребности); формируется коллективная травма (например, память о голоде - ашаршылык); возникает трансгенерационная передача травмы - последующие поколения несут психологические травмы (родология);

- анализ архивных документов, воспоминаний потомков репрессированных и новейших достижений историографии подтверждает насильственный характер преобразований в рамках «малого Октября» и их разрушительное влияние на идентичность и традиционную структуру казахского общества;

- несмотря на внешнее давление, казахский народ проявлял активное сопротивление, а затем адаптацию к новым условиям (сохранение в быту религиозных обрядов, родовой структуры, обрядов, обычаев, устных традиций (например, фольклор, пословицы и поговорки, айтыс), что впоследствии стало основой культурной преемственности;

- проведение коллективизации, конфискация имущества сельского населения, голод, репрессии сталинского режима оставили травмы в памяти многих семей казахстанцев: документы архивов, воспоминания потомков репрессированных граждан Казахстана являются важнейшей составляющей в реконструкции истории репрессий, которые в советский период не получили отражение в официальных документах, и требуют должного освещения в дальнейших исследованиях.

В заключении, отвечая на вопрос, поставленный однажды Б. Андерсоном, о том, «какая из дисциплин помогает исследовать его (национализм) наиболее полно: история, психология, политическая экономия, социология, антропология, философия, литературная критика или... какая же?» [5, с. 7], считаем, может быть успешно рассмотрен в контексте исторической антропологии. Также, учитывая, что в политику «Малого Октября» входил целый комплекс преобразований в различных сферах общественной жизни, на наш взгляд настоящая тема нуждается в дальнейшем всестороннем исследовании.

Список использованной литературы:

1. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на четвертом заседании Национального курултая 14.03.2025 г. // <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-chetvertom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-142359>.

2. Архив Президента Республики Казахстан Ф.139. Оп.1. Д.2. Л.47-49.

3. Эриксен Т.Х. Что такое антропология?: учебн. пособие / пер. с англ. А.И. Карасевой; подред. Ж.В. Кормиловой; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики», 2014 - 238 с.

4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

5. Букейханов А. Киргизы / Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб, 1910 г. 600 с.

6. Ф.И. Голощекин Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Доклад на собрании горпартактива Алма-Атинской организации 1 октября 1930 года. Государственное издательство РСФСР Казакское краевое отделение Алма-Ата-1930. С.44-49].

7. Абжанов Х. Голод начала 30-х годов XX века в Казахстане: Преступление и Наказание (из сборника материалов международной научной конференции «ГОЛОД В КАЗАХСТАНЕ:

ТРАГЕДИЯ НАРОДА И УРОКИ ИСТОРИИ» 31 мая - 1 июня 2012 г.). - Астана. 2012. - с.176-181.

8. Об Алаш-ордынцах и новых кадрах националистов//Из выступления тов. Исаева. 7 Всеказахская конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Издание Казакского краевого комитета ВКП(б). Алма-Ата, 1930 год. С. 190-195.

9. О борьбе с национальными группировками (Из доклада тов. Богданова о работе крайКК. 7 Всеказахская конференция ВКП(б): Стенографический отчет. – Алма-Ата: Издание казакского краевого комитета ВКП(б), 1930. - 402 с.

10. Муқанов С. Школа жизни. Роман. Кн. 2/Перевод с казахского А. Брагина. Астана: Аударма, 2011. - 472 с.

11. Аяган Б. История одной семьи//Казахстанская правда. 3 марта 2021 г.

12. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288с.

13. Осколков П. Феномен национализма: концептуализация и типологии. Современная Европа, 2020, №3, с. 108–116.

14. Тайлор Э.Б. Первобытная культура: Пер. с англ. - М.: Политиздат, 1989. - 573 с.

15. Резолюции 3-го Пленума Казахского Краевого Комитета ВКП(б). Кзыл-Орда, 1927. - 33 с.

16. Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920-1940-х годов. – Алматы, 2009. – 448 с.

17. Муқанова Г.К. Публицистика Смагула Садвокасова. - Алматы, 2013. – 175 с.

18. Отчет Казакской Краевой Контрольной комиссии ВКП(б) и Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции к 7-й казакской партконференции (за время с ноября 1927 г. по 1 мая 1930 года). Издание Казакский Краевой Контрольной Комиссии В.К.П.(б) г. Алма-ата 1930 год. - 86 с.

19. Из закрытого письма секретаря Казкрайкома ВКП(б) Ф. И. Голощекина секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину о политико-экономическом состоянии Казахстана/ АПРК. Ф.141. Оп.1. Д.2948. Л.7, 9-11,41-46//Из истории депортаций. Казахстан 1930-1935 гг. Сборник документов. – Алматы: ЛЕМ, 2012. – 772 с. С.142-144.

20. ПИСЬМА ТРЕВОГИ И БОЛИ. Письмо «пятерых» секретарю Казрайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекину. г. Алма-Ата июль 1932 г. Мусрепов, М. Гатауллин, М. Давлетгалиев, Е. Алтынбеков, К. Куанышев//Архив Президента РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5233. Л. 79-92. Подлинник // Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930-1933 гг.): хрестоматия. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 203 с. С. 141-151.

21. ПОМОЧЬ КАЗАХСКОМУ АУЛУ. Письмо учредителя Совнаркома Казахской АССР Ураза Исаева И.В. Сталину г. Алма-Ата Август 1932 г. // Журнал «Партийная жизнь Казахстана». - 1990 б. - С. 83-89. // Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930-1933 гг.): хрестоматия. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 203 с. С. 152-162.

22. Докладная записка заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР Т.Р. Рыскулова в ЦК ВКП(б) - И.В. Сталину. 29 сентября 1932 г. // Журнал «Партийная жизнь Казахстана». – 1990 10. - С. 76-84 // Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930-1933 гг.): хрестоматия. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 203 с. С.169-181.

23. Сталинский план по уничтожению народа: Подготовка и реализация приказа НКВД №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»//<https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1005111>].

24. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование Геносоциогаммы. - М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. - 256 с.

25. Докучаев В.В. Генетический транс: Родология. Кн. 1. 2-е изд., доп. – Екатеринбург: Издательство Филантроп 2007. – 47 с.; Докучаев В.В., Докучаева Л.Н. Семейная энциклопедия «истоки». Наследники рода. - Екатеринбург, 2007. – 104 с.

26. Сагимбаева А. Потомки жертв Ашаршылыка страдают до сих пор. 31.05.2023. Источник: Facebook, интервью, воспоминания потомков.

References:

1. Vystupleniye Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokayeva na chetvertom zasedanii Natsional'nogo kurultaya 14.03.2025 g. // <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokayeva-na-chetvertom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-142359>. [in Russian].

2. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan F.139. Op.1. D.2. L.47-49. [in Russian].

3. Eriksen T.KH. Chto takoye antropologiya?: uchebn.posobiye / per. s angl. A.I. Karasevoy; podred. ZH.V. Kormilino; Nats. Issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki», 2014 – 238 p. [in Russian].

4. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. M.: Progress, 1996. – 344 p. [in Russian].

5. Bukeykhanov A. Kirgizy / Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh. Avstro-Vengriya, Rossiya, Germaniya. SPb, 1910 g. 600 p. [in Russian].

6. F.I. Goloshchekin Desyat' let proydennykh i predstoyashchiye zadachi. Doklad na sobranii gopartaktivy Alma-Atinskoy organizatsii 1 oktyabrya 1930 goda. Gosudarstvennoye izdatel'stvo RSFSR Kazakskoye krayevoye otdeleniye Alma-Ata-1930. PP. 44-49 [in Russian].

7. Abzhanov KH. Golod nachala 30-kh godov XX veka v Kazakhstane: Prestupleniye i Nakazaniye (iz sbornika materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «GOLOD V KAZAKHSTANE: TRAGEDIYA NARODA I UROKI ISTORII» 31 maya - 1 iyunya 2012 g.). - Astana. 2012. - . PP.176-181[in Russian].

8. Ob Alash-ordyntsakh i novykh kadrakh natsionalistov//Iz vystupleniya tov. Isayeva. 7 Vsekazakhskaya konferentsiya VKP(b). Stenograficheskiy otchet. Izdaniye Kazakskogo krayevogo komiteta VKP (b). Alma-Ata, 1930 god. PP. 190-195[in Russian].

9. O bor'be s natsional'nymi gruppirovkami (Iz doklada tov. Bogdanova o rabote krayKK. 7 Vsekazakhskaya konferentsiya VKP(b): Stenograficheskiy otchet. – Alma-Ata: Izdaniye kazakskogo krayevogo komiteta VKP(b), 1930. - 402 p. [in Russian].

10. Mukanov S. Shkola zhizni. Roman. Kn. 2/Perevod s kazakhskogo A. Bragina. Astana: Audarma, 2011. - 472 p. [in Russian].

11. Ayagan B. Istoriya odnoy sem'i//Kazakhstanskaya pravda. 3 marta 2021 g.

12. Anderson B. Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma / Per. s angl. V. Nikolayeva. – M.: «KANON-press-TS», «Kuchkovo pole», 2001. – 288 p. [in Russian].

13. Oskolkov P. Fenomen natsionalizma: kontseptualizatsiya i tipologii. Sovremennaya Yevropa, 2020, №3, PP. 108–116 [in Russian].

14. Taylor E.B. Pervobytnaya kul'tura: Per. s angl. - M.: Politizdat, 1989. – 573 p. [in Russian].

15. Rezolyutsii 3-go Plenuma Kazakhskogo Krayevogo Komiteta VKP (b). Kzyl-Orda, 1927. - 33 p. [in Russian].

16. Koygeldiyev M.K. Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920-1940-kh godov. – Almaty, 2009. – 448 p. [in Russian].

17. Mukanova G.K. Publitsistika Smagula Sadvokasova. - Almaty, 2013. – 175 p. [in Russian].

18. Otchet Kazakskoy Krayevoy Kontrol'noy komissii VKP(b) i Narodnogo Komissariata Raboche-Krest'yanskoy Inspektsii k 7-y kazakskoy partkonferentsii (za vremya s noyabrya 1927 g. po 1 maya 1930 goda). Izdaniye Kazakskiy Krayevoy Kontrol'noy Komissii V.K.P.(b) g. Alma-ata 1930 god. - 86 p. [in Russian].

19. Iz zakrytogo pis'ma sekretarya Kazkraykoma VKP (b) F. I. Goloshchekina sekretaryu TSK VKP (b) I. V. Stalinu o politiko-ekonomicheskom sostoyanii Kazakhstana/ AP RK. F.141. Op.1.

D.2948. L.7, 9-11,41-46//Iz istorii deportatsiy. Kazakhstan 1930-1935 gg. Sbornik dokumentov. – Almaty: LEM, 2012. – 772 p. PP.142-144 [in Russian].

20. PIS'MA TREVOGI I BOLI. Pis'mo «pyaterykh» sekretaryu Kazraykoma VKP (b) F.I. Goloshchekinu. g. Alma-Ata iyul' 1932 g. Musrepov, M. Gataullin, M. Davletgaliev, E. Altynbekov, K. Kuanyshhev//Arhiv Prezidenta RK. F. 141. Op.1. D. 5233. L. 79-92. Podlinnik // Omarbekov T. Golodomor v Kazahstane: prichiny, masshtaby i itogi (1930-1933 gg.): hrestomatiya. – Almaty: Qazaq universiteti, 2011. – 203 p. PP. 141-151[in Russian].

21. POMOCH' KAZAHSKOMU AULU. Pis'mo uchreditelya Sovnarkoma Kazahskoj ASSR Uraza Isaeva I.V. Stalinu g. Alma-Ata Avgust 1932 g. // Zhurnal «Partijnaya zhizn' Kazahstana». - 1990. 6. - PP. 83-89. // Omarbekov T. Golodomor v Kazahstane: prichiny, masshtaby i itogi (1930-1933 gg.): hrestomatiya. – Almaty: Qazaq universiteti, 2011. – 203 p. PP. 152-162 [in Russian].

22. Dokladnaya zapiska zamestitelya Predsedatelya Soveta Narodnyh Komissarov RSFSR T.R. Ryskulova v CK VKP(b) - I.V. Stalinu. 29 sentyabrya 1932 g. // Zhurnal «Partijnaya zhizn' Kazahstana». – 1990 10. - PP. 76-84 // Omarbekov T. Golodomor v Kazahstane: prichiny, masshtaby i itogi (1930-1933 gg.): hrestomatiya. – Almaty: Qazaq universiteti, 2011. – 203 p. PP.169-181[in Russian].

23. Stalinskij plan po unichtozheniyu naroda: Podgotovka i realizaciya prikaza NKVD №00447 «Ob operacii po repressirovaniyu byvshih kulakov, ugovnikov i drugih antisovetskih elementov»//<https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/10051111> [in Russian].

24. Shutcenberger A.A. Sindrom predkov: Transgeneracionnye svyazi, semejnye tajny, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie Genosociogrammy. - M.: Izd-vo Instituta psihoterapii, 2005. - 256 p. [in Russian].

25. Dokuchaev V.V. Geneticheskij trans: Rodologiya. Kn.1. 2-e izd., dop. - Ekaterinburg: Izdatel'stvo Filantrop 2007. - 47 p.; Dokuchaev V.V., Dokuchaeva L.N. Semejnaya enciklopediya «istoki». Nasledniki roda. - Ekaterinburg, 2007. - 104 p. [in Russian].

26. Sagimbaeva A. Potomki zhertv Asharshylyka stradayut do sih por. 31.05.2023. Istochnik: Facebook, interv'yuu, vospominaniya potomkov [in Russian].